
» «

За пределами линейного времени

« »

ЛИБО НАЧАЛО? ЛИБО КОНЕЦ?

Либо ни то и ни другое?

Все происходит именно так, как он много раз представлял. Он подходит к окну, бросает быстрый взгляд вниз, на улицу. Людей во дворе много, по их напряженным лицам он сразу понимает, кто они и для чего здесь. Бежать! Но как?

Он приоткрывает дверь, прислушивается — кто-то уже поднимается по лестнице осторожно-торопливыми шагами. Значит, бежать поздно.

Крыша, вдруг понимает он. Может быть, там их еще нет. И тогда появится шанс. Он кивает NB, она выскальзывает за ним на лестничную площадку, как можно тише зацелкивает за собой дверной замок. Когда люди поднимутся, они начнут взламывать дверь. Значит, появится несколько лишних минут.

Крыша плоская, бежать по ней несложно. Они перепрыгивают на крышу соседнего дома, потом другого, потом еще одного. Но дальше бежать некуда. От следующего дома их отделяют десять метров, не меньше.

Он оглядывается. Оказывается, он выиграл всего минуту-другую, не больше. Сразу несколько человек словно наперегонки, зависнув на мгновение в воздухе, прыгают на крышу соседнего здания. Он поднимает глаза на NB.

«Я первая», — говорит она. Лицо ее равнодушно, глаза заполнены туманом — как всегда. Она поворачивается спиной к краю крыши, лицом к нему и медленно начинает клониться в пропасть. Он может еще удержать ее.

Мелькает мысль: «А что, если она разобьется? Что, если он ошибался? И сейчас потеряет ее...». Он протягивает руку, касается ладони. Но она отстраняется. «Так правильно, — произносит она. — Мне все равно. А ты узнаешь...»

Ее лицо начинает удаляться от него — сначала медленно почти по прямой, потом резко вниз. Он на мгновение ловит взглядом ее глаза, и ему кажется, что они немного расчистились. В первый раз.

Он подступает к самому краю, всматривается... NB падает, словно застывшая кукла, не меняя позы — все так же лицом вверх, лицом к нему, не отрываясь от него взглядом. И чем дальше она удаляется, тем больше расчищаются от бледного тумана ее глаза. Так он и провожает их, непривычно очищенные, до самой земли.

Раздается звук удара, короткий глухой хлопок. Но он не слышит его. NB лежит на асфальте нетронутая, совсем неповрежденная. Мелькает мысль, что с ней ничего не случилось. Что она жива. Откуда-то изнутри поднимается мгновенное волнение — значит, он прав. Он нашел ответ. Только Он. И только один-единственный Ответ.

Но тут по асфальту вокруг головы NB начинает расплзаться густое пятно. Грязное, почти черное, неправильной формы. Хотя его смущает не пятно, а ее глаза. Слишком чистые, открытые, доступные для проникновения, тоже нетронутые. Прежде густые туманные хлопья перекрывали доступ внутрь, но не теперь... Это не могут быть глаза NB. Конечно нет, конечно, это уже не NB.

Она разбилась. Даже не жалость, а ужас охватывает его. Но нервная, подавляющая ужас мысль все же сильнее. Мысль выскальзывает из глубины, из самой сердцевины, и тут же заполняет его всего... Неужели он оказался неправ? И все рассуждения, все попытки — только нескончаемая череда ошибок?

«Совсем не обязательно, — отвечает он сам себе. — Падение NB — это, конечно, серьезный эксперимент. Но и он не до конца чистый».

Он оглядывается. Люди уже прыгают на крышу, на самом краю которой стоит он и никак не может решиться.

«Чистый эксперимент может быть только один, — наконец произносит он вслух. — Ты всегда знал это, просто боялся рискнуть.»

Он наклоняется чуть вперед и висит на краю, над самым обрывом. Остался всего один шаг — и он пожертвует всем. И все решится. Страшно ли ему? Да, страшно! Но только от мысли — что он все время ошибался. И ошибается сейчас? Ведь если он прыгнет... а его гипотеза неверна... тогда он уже никогда ничего не найдет. Никакого ответа. А значит, и жизнь его окажется мелкой, никчемной, ненужной.

Он еще раз оглядывается. Люди в нескольких шагах от него. Но они больше не бегут, а движутся мелкими неуверенными шажками, которые так не подходят к их широким крепким фигурам, и что-то кричат. Но он не хочет их слышать... Он и не слышит.

Он отворачивается от людей. Собирается, собирает тело в единое напряженное движение.

И вдруг... он чувствует, как расширяются зрачки его глаз. Тут же пронзает простое сознание — это все ни к чему! Никакого смысла нет!

В его прыжке! В этом смертельном риске! Он и так знает Ответ. Только что узнал, в это самое мгновение.

Это поток! Он возник перед ним, протягиваясь с самого верха, и сразу все определил. И все опроверг — все пустые ненужные попытки. И оставил лишь единственный путь — влиться в него, в поток... и стать его частицей.

Да, он тоже станет частью потока, а поток станет частью него — все взаимообразно, естественно, единственно возможно... как он не догадался прежде? Поток застыл прямо перед ним, призывая, едва подрагивая... Зрачки еще больше расширяются от тепла и яркости.

Плотный, насыщенный, яркий с голубоватым отливом. Слишком насыщенный, каких не бывает, не может быть. Чем он насыщен? Нет, не светом, чем-то совсем другим. Осталось только узнать. И до знания — один шаг. Всего один, вперед. Он решается и делает его, и разбрасывает руки в стороны, именно так, как много раз разбрасывал во всех своих других, прежних видениях...

> <

Вход в линейность времени

ТЕЛЛЕР. УХОД ОТ ЛЮСИ

Макс Теллер любил свою жену. Небольшая, изящная, с узкими покатыми плечами. Он любил смотреть на нее, прикасаться к ней как бы случайно, как бы произвольно. С волнением замечал, как вздрагивает и покрывается едва заметными мурашками ее кожа.

Да, ему повезло. Она чувствовала его и всегда поддерживала. Какие бы странные, порой даже пугающие мысли его ни занимали. Впрочем, он сам усмехался — как и чем могут пугать мысли? Неужели парадоксальностью, непривычным сдвигом точки отсчета, угла обзора? Когда начинаешь видеть и понимать иначе...

Но почему парадоксальность должна кого-то пугать? Теллер не знал, не понимал. Но знал, что она пугает — многих, почти всех, он не раз убеждался в этом. Видимо, всего лишь предположение, что нашей привычной, наезженной, запрограммированной жизни существует альтернатива... Уже это одно может вызывать растерянность, раздраженность и даже страх.

А потом в его жизни появилась Люси. И оказалось, что она-то как раз не боится. И не нервничает, не раздражается. Он сразу понял почему — она всегда на его стороне. Без исключений, без каких-либо моральных оговорок или материальных. Просто безотчетно, абсолютно безоговорочно. Что бы ни случилось ни с ним самим, ни с ними обоими — она бы все равно не испытала ни испуга, ни сомнения. Шла бы с ним, прикрывала как могла.

Во всяком случае так ему казалось... правда, неправда — какая разница, если он так ее понимал.

Постепенно именно на ней он стал проверять все свои самые рискованные мысли, самые запутанные, в которых и сам не сразу мог разобраться. Она молча слушала и почти никогда не задавала вопросов. Ее лицо с мягкой улыбкой, в которой светилась только любовь и еще уверенность в нем, вселяло ту же уверенность в него. И лишь когда он замолкал, произносила: «Конечно, Макс, попробуй, посмотри, что получится».

Всегда так говорила. Да, абсолютная безусловная поддержка. Конечно, она чувствовала его... Наверняка не всегда понимала, но всегда

гордилась. Чем? Неординарностью? Отличием от остальных? Исключительностью его мышления? Полетом, который оно создавало? Он не знал, мог только догадываться...

Прошли годы, появилась привычка. Теперь ему уже были необходимы ее внимательность и ее терпение. Ее полное принятие, которое он всегда читал в ее глазах. Теперь он уже «должен» был делиться с ней. Прогонять через нее все свои мысли. Иначе уже не получалось.

Интересно, что это эмоциональное доверие только усиливало доверие физическое. Тягу. Люси по-прежнему волновала его. Несмотря на растянутую череду лет, которую они прожили вместе. И он знал — он по-прежнему нравится ей и тоже волнуется.

Она никогда не выпячивала эту свою зависимость, но и не скрывала. И он легко считывал ее — по неловко скользнувшему взгляду, бесконтрольному порой движению, да мало ли... много бывает примет.

Она никогда не отказывала, принимала его мягко, доверчиво, с безмолвной благодарностью, только лишь глубоко вздохнув при первом проникновении. Он сам решал, как именно и как долго, но со временем ограничил разнообразие, предпочитая под своими глазами видеть ее глаза, а под ртом — ее губы.

В тот вечер он почему-то решил изменить привычке. Рядом с кроватью на полу стояло большое, почти до потолка, зеркало, прежде они часто занимались любовью перед ним. Так случилось и сейчас...

Поначалу Теллер был полностью сконцентрирован на Люси. Он любил ее тело и взглядом, и слухом, и осязанием. Его возбуждало в ней все — скудные, едва нащупанные движения, мягкость бледной кожи, бьющаяся от волнения жилка сбоку на шее, дрожание перенапряженной мышцы. Он пытался поймать то, что только мог успеть поймать — нерасчетливо выдавленный вздох, метнувшуюся руку с окаменевшими, зажатыми пальцами, бессмысленно пытающуюся найти опору...

Он тоже входил в какой-то ступор, попадал глубоко внутрь себя, выпадая из всего того, что окружало зыбкими, расплывающимися чертами снаружи. И все же в какой-то случайный, уже давно расшатанный, едва держащийся на одном усилии момент он взглянул в зеркало и столкнулся с отражением. И замер, пораженный.

На него смотрело разбитое недовольством, исчерченное нескончаемым внутренним брюзжанием безрадостное лицо. Бесчувственное, безразличное, угрюмое, совершенно чужое. Без признака хоть какой-либо искры или блеска. Без восторга, радости, даже без простого удовольствия. И это сейчас... во время любви!

Нет, его отражение не выглядело каким-то отвратно обрюзгшим или состарившимся. Просто из него полностью исчезло свечение жизни...

Хотя бы самое слабое, самое ничтожное, едва мерцающее — хотя бы что-то могло остаться! Но тут — вообще ничего...

Это было не его лицо, не его тело. Он ведь представлял себя совершенно иным. А сейчас на него смотрело опровержение... Опровержение его собственного представления о себе. Каким он себя помнил, знал и понимал. Разница была настолько разительной, что казалась издевкой, надругательством.

Он-то по-прежнему считал себя готовым на попытку. На любую самую дерзкую мысль. Готовым на любой риск ради такой мысли. На выход за правила, за унижающие сдерживающие рамки. Он-то считал себя полным будущего, он и планировал на тридцать-сорок лет вперед. Не считаясь с возможными потерями, неудачами. Его идеи оправдывали любой риск, любую потерю. Поэтому они и создавали будущее.

Но отражение в зеркале отрицало его понимание себя. Оно отрицало будущее. Не признавало право на попытку. Отрицало радость риска, радость неизбежных неудач, которые так или иначе сокращают расстояние до удачи... Отражение настаивало на статике, на пределе, на ограниченном времени, на тупиковой обреченности. Оно зачеркивало своим вялым бессилием самую суть его самого.

Это было не просто обидно — жить без попытки, без будущего... Нет, это было невозможно, непримиримо.

Наконец, он вспомнил о Люси. Она терпеливо ждала, может быть, связывала паузу с каким-то новым, придуманным им, неожиданным продолжением. Затаилась, сжалась, ожидая, предчувствуя. Но у него не было продолжения, не было ничего — в его движениях, чувствах, энергии, которую он обычно отдавал и забирал, уже не было никакого смысла.

Но он не мог просто взять и оборвать, он должен был хоть как-то закончить. Хотя бы чтобы не обидеть Люси. Но закончить требовалось как можно скорее, чтобы прекратить это мучительное самобичевание. Этот шутовской номер, разыгрываемый перед единственным перекошенным от недовольства зрителем, глядевшим изнутри амальгамы зеркала.

Он вытерпел еще пару минут, добавил движения и завершил, как и должен был завершить. Даже успел схватить ее за шею и сдал сильной ладонью одновременно с другим, не менее напряженным давлением. Так что Люси сжалась, прогнулась, вбирая в себя последние затишающие мгновения.

Через два дня под предлогом плохого сна и давящей работы он перешел спать на диван в свой кабинет. А еще через неделю, даже не собирая вещи, только оставив короткую записку, Макс Теллер ушел из дома и больше там не появлялся. Люси он ни разу не написал и не позвонил.

—————> <—————
Переход по линейному времени. Назад

↑ ↑ ↑
ТЕЛЛЕР И БЕТСИ. ВСТРЕЧА 1

Доктор Макс Теллер летел в Европу. Для него на два весенних месяца на юге Италии на берегу моря был снят небольшой, но удобный дом. Люси выехала на неделю раньше, чтобы полностью подготовить виллу к приезду мужа.

Сейчас Теллер шел по самолету через салон первого класса. Его место располагалось чуть дальше, в «бизнес классе» — он мог позволить себе и первый класс, но зачем? С точки зрения удобства и сервиса его вполне устраивал и «бизнес».

Он продвигался неспешно, с остановками по узкому проходу — люди впереди, устраиваясь на своих местах, задерживали движение. Его блуждающий взгляд скользил от пассажира к пассажиру, но почему-то замер, наткнувшись на лицо пожилой женщины, сидящей в третьем ряду слева. Она буквально сверлила его светлыми, не по возрасту живыми глазами.

А когда он поравнялся с ней, она улыбнулась и, сделав движение рукой, которое можно было расценить как приглашающее, сказала резко-важным, властным голосом. Тоже заметно не подходящим ее возрасту:

— Садитесь рядом. Я как раз читаю занимательную книгу. Мне кажется, вас она может заинтересовать. Или позабавить. Садитесь, садитесь.

Женщина снова протянула руку и коснулась рукава плаща доктора, и это движение, тоже настойчивое, тоже не без властности, все же задержало Теллера.

Он попытался улыбнуться, скупое, по-другому он не умел.

— У меня билет не в первый класс, — нашел он самую простую отговорку и попытался пройти вперед.

Но ему не удалось. Касание женской руки перестало быть касанием, он усмехнулся — достаточно крепкая хватка для ее возраста.

— Это все неважно. Я обычно выкупаю оба места. Личное пространство, так сказать. Так что садитесь, садитесь.

Даже не понятно почему, но Теллер все же поддался уговорам и опустился на широкое, очень удобное кресло первого класса.

— Доктор Макс Теллер, — представился он.
— Да, да, — кивнула новая попутчица.
— А ваше имя?
— Вы можете называть меня Долорес или Бетси. Да, зовите Бетси, так короче. — Она рассмеялась.

Теллер пожал плечами, он по-прежнему не понимал, зачем он сел рядом с ней.

— Как вы заметили, я весьма немолода, и у меня было много имен. Другой бы уже давно запутался. Да и мне самой отслеживать их надое-ло. — Она снова рассмеялась. — Вот здесь, — она указала на книгу, лежащую перед ней, — меня называют Кэтрин. Но это так давно было, что уже не важно... так ли меня тогда звали или как-то по-другому. Да и звали ли вообще?

— Так эта книга о вас? — спросил Теллер, чтобы хоть что-то спросить.

— Что-то типа того... — она снова рассмеялась. — Я в ней персонаж. Такое он про меня придумал... — она махнула рукой. — Да, зовите меня Бетси, так проще всего.

Макс взглянул на книгу. Она называлась «Beyond The Boundaries Of Love»*. Теллер чуть поморщился, название ему не понравилось.

— Я поменяла столько имен, столько судеб, что больше не знаю, что в результате осталось от меня. Да и осталась ли я сама? — тоже не уверена. Да и была ли когда-нибудь? Что, если меня никогда не было? Что, если меня нет и сейчас?

Теллер приподнял брови, такого быстрого обострения разговора он не ожидал. Хотя его профессиональной деятельностью последние годы была психиатрия.

— А с кем же я сейчас тогда сижу и с кем разговариваю? — задал он первый, казалось бы, невинный вопрос.

— Конечно с Бетси, мы же договорились, — она снова рассмеялась. — Но разговаривает ли Бетси с вами? Да и существует ли эта Бетси? — это уже другой, значительно более сложный вопрос.

— То есть, вы мой мираж, галлюцинация? Я вас вижу, говорю с вами... Но вас не существует... — Теллер улыбнулся, но лишь уголком губ. Его начинал занимать этот разговор.

— Почему только меня? — казалось, она искренне удивилась. — Вам никогда не приходило в голову, что тем, что вы назвали «галлюцинацией», может быть все что угодно? Например, то, что внутри этого самолета, сам самолет, да и то, что за его пределами.

«Это забавно, — подумал Теллер про себя. — Вот уж не думал, что работа начнет преследовать меня даже в полете.»

* «За пределами любви»

— Интересно, интересно... — произнес он вслух. — И все люди, значит, видят одну и ту же галлюцинацию? Этот самолет, например.

— Люди? Кто сказал что-либо про людей? — Бетси повернула к нему лицо. Морщины достаточно искусно разрезали его на мелкие, неправильные доли. Молодые глаза удивленно светились. — Кто сказал, что люди вообще существуют?

— То есть, их тоже нет. Как вас? — Теллер не отвел взгляда от ее блестящих глаз.

— Ну да... Только, в отличие от них, я сама об этом догадалась. И приняла, и не боюсь признаться. А они либо не понимают... Либо просто боятся самой мысли. Хотя в основном, конечно, не понимают.

— Значит, у них есть мысли? Как у них могут быть мысли, если их самих нет? Он думал, что поставил ее в тупик, но она тут же нашлась с ответом.

— Возможно, мысли в них кто-то вселяет. Как, собственно, — и их самих.

— Их самих вселяет? — Теллер удивленно сморщил лоб. — И кто же?

— Возможно, что и вы... — она смотрела в него в упор, но уже не смеялась. — Вернее, я уверена, что это вы.

Теллер привык к всевозможным патологическим поворотам, профессионально привык. Но здесь он опешил.

— Если я правильно понимаю ход вашей мысли... — начал он проговаривать слова вслух, чтобы самому в них разобраться. — Исходя из ваших слов... никого и ничего нет. Не существует. И при этом вы утверждаете, что есть только я...

— Ну да, конечно. — Бетси только кивала в ответ.

— И я... создал все это... — Его рука очертила в воздухе дугу, определяя «все это».

— Конечно, кто же еще? — Вот и в глазах исчезло удивление. А осталось... Что же в них осталось?

— Значит, в этой вашей модели я выступаю в роли... — Он запнулся. На удивление, он не смог закончить фразу...

— Правильно. Безусловно. Для этого мира вы являетесь Создателем. Богом, иными словами, — легко сформулировала за него Бетси.

— Значит, вы полагаете, что есть другие миры? — Он был настолько удивлен, что задал не самый важный вопрос.

— Наверное, — согласилась она. — Почему бы им не быть, если есть этот? Впрочем, какое нам дело до других? Мы же с Вами в Вашем мире.

Макс Теллер молчал, он пытался вспомнить, ведь он читал нечто похожее.

— Подождите, что-то это мне напоминает... Кажется, было в философии. Я когда-то изучал... Еще в университете, в самом начале. Как же это называлось?

— Какая разница, какое название у истины. Главное — что она истина, не правда ли? — ответила Бетси. Все это время она смотрела только на него. Не отводя глаз.

Но Теллер уже не очень слушал. Он рылся в памяти, пытаясь поднять глубинную залежь. Но у него так и не получилось.

Вот так в паузе протянулись три-четыре минуты. Наконец, Теллер достал из кармана визитную карточку.

— Приходите ко мне на прием. Будет интересно продолжить этот разговор. — Бетси взглянула на карточку.

— «Макс Теллер — доктор психиатрии», — прочитала она. — Ну вот видите, я не ошиблась. Прямо в точку. Именно вас я и ожидала. Просто интуиция. Или что-то другое, пойдя разберись, как происходят все эти невероятные совпадения... Впрочем, вы-то наверняка должны знать... — Она снова улыбнулась.

Теллер поднялся с кресла. Этот разговор все же застал его врасплох. Ему понадобится время, чтобы все обдумать и подготовиться, и тогда он продолжит тему.

— Я все-таки перейду на свое место, — сказал он. — Но надеюсь, что мы с вами еще увидимся и поговорим.

— Непременно, — кивнула Бетси уже удаляющемуся доктору.

↔

Переход по линейному времени. Вперед

↓ ↓ ↓

ТЕЛЛЕР. ПОДСТАВКА

Звонок вывел Теллера из задумчивости. Резкий, требовательный. Непонятно, как этот старый домашний телефон мог выдержать такое дребезжащее напряжение.

Теллер уже два года жил в съемной квартире. Конечно же, заполняя арендные документы, он вписал в них выдуманное имя. А так как он платил наличными за год вперед, то домохозяин не стал разбираться и задавать лишних вопросов.

За эти многочисленные месяцы Теллер не сообщил о месте своего пребывания ни одному человеку. Это было несложно — он не общался ни с одним человеком. Кроме NB. Но она никогда не интересовалась, где он живет. Она вообще ничем не интересовалась.

А сейчас телефон звонил. В первый раз. Конечно, кто-то мог ошибиться номером или искать хозяев квартиры, или, например, предыдущих жильцов. Но у Теллера тут же поднялось зудящее ощущение. Раздражение... как изжога. Он не сомневался, что телефон звонит только для него.

Возможно, он совершает ошибку. Возможно, надо было сразу исчезнуть отсюда, из этой квартиры. Как только он заметил слезку. Не бросаться в эту нелепую погоню... Не рисковать... Но тогда бы он не узнал, кто именно за ним следит.

Его первое ощущение — слезку организовала не полиция и не ФБР. Кто-то совсем другой, совершенно нетипичный. Более того — неадекватный. Но это еще больше запутывало ситуацию, выходило за пределы выработанного плана. Угрожало плану. Создавало опасное событийное смещение. Поэтому и требовало разбирательства. Кто был этот человек? Почему он следил за ним? А главное, кто стоит за всем этим? И зачем? В чем вообще дело?

Потому и решил рискнуть, не уехал сразу. Решил выждать, подставиться, подловить их на «живца»... в смысле, на себя самого. И посмотреть, кто за ним придет. Важная информация — сразу станет понятнее, насколько все серьезно.

А если серьезно? Если потребуются пути отхода?

«Пути отхода» — повторил он для себя. Ему понравилось словосочетание, забавное, какое-то совсем не подходящее к нему...